

УДК 808.5

К ФИЛОСОФСКИМ ОСНОВАНИЯМ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

А.П. Сковородников

В статье обсуждается проблема обоснования предметной области эколлингвистики с позиций философского подхода к языку и речи. Формулируются необходимые для этого методологические основания, и на этой базе рассматривается вопрос о правомерности бинарного определения содержания эколлингвистики как междисциплинарной науки, изучающей как отрицательные, так и положительные факторы существования и функционирования языка. Демонстрация методологической значимости философии в постановке и решении частных проблем эколлингвистики осуществляется на примере таких вопросов, как: правильность/неправильность имён, фразеологические и лексические лакуны, амбивалентность принципа экономии усилий и лингвопрагматического постулата качества. Ставится вопрос о разграничении понятий «экология языка», «экология речи», «культура речи».

Ключевые слова и фразы: предметная область эколлингвистики; экология языка; экология речи; культура речи; философское обоснование.

TO THE PHILOSOPHICAL BASES OF SUBJECT DOMAIN OF ECOLINGUISTICS

A.P. Skovorodnikov

In the article the problem of subject domain of ecolinguistics is discussed from positions of philosophical approach to language and speech. The necessary methodological bases for this purpose are formulated, and the question of legitimacy of binary definition of the maintenance of ecolinguistics as the interdisciplinary science, which studies both negative and positive factors of existence and functioning of language, is considered on this base. Demonstration of the methodological importance of philosophy for solving problems of ecolinguistics is carried out on the example of such issues as: correctness/incorrectness of names, phraseological and lexical lacunas, ambivalence of the principle of economy of efforts and linguo-pragmatical postulate of quality. The question of differentiation of concepts "language ecology", "speech ecology", "speech standard" is raised.

Keywords and phrases: subject domain of ecolinguistics; language ecology; speech ecology; speech standard; philosophical substantiation.

Везде, где есть язык и есть человек, человек этот не только возвышается или уже возвысился над натиском мира, – но эта свобода от окружающего мира есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи, о чём говорится в Книге Бытия, сообщающей, что Адам получил от Бога власть давать имена вещам.

Х.Г. Гадамер

Уподобление – это и есть эксперимент в теоретически постигательных науках, основанных на умозрении, ясновидении и интуиции.

П.С. Таранов

Эколингвистика, или лингвоэкология, – сравнительно молодая область междисциплинарного знания и научного поиска, в отношении предмета которой нет единого мнения у её адептов, на что справедливо указывают многие (см., например, [Бернацкая 2014; Ильинова 2010; Кравцов 2012; Полухин 2009; Потеряхина 2014; Соллогуб 2010; Сквородников 2013]). Имея в виду это обстоятельство, А.А. Бернацкая в статье «В поисках философии лингвоэкологии» справедливо замечает, что путём обращения к истории философии можно «наметить онтологические и методологические ориентиры формирования философии формирующейся дисциплины “лингвоэкология”» [Бернацкая 2014: 74]. Соглашаясь с этим, полагаю, что для более или менее обоснованного решения такой актуальной задачи, как определение контуров эколингвистической предметности и их основного наполнения, представляется целесообразным обратиться к философии, дающей общее видение мира, «на основе которого строятся видения частнонаучного характера как элементы более широкого целого – философского осмысления реальности» [Кохановский 1999: 197]. В своих «Прелюдиях» В. Виндельбанд по этому поводу заметил, что «в основе всех логических форм лежит идея связи частного с общим, зависимости первого от последнего. Все наше познание состоит в соединении наиболее общего с наиболее частным при помощи промежуточных звеньев, создаваемых размышлением» [Виндельбанд 1904: 227–228]. Опирается следует прежде всего на так называемую предпосылочную функцию философии, которая понимается как «понятийная, или категориальная, поддержка науки», обеспечение её «определёнными содержательными представлениями, исходными тезисами» [Ушаков 2005: 13].

Для нашего исследования методологически значимой является также мысль М. Минского о том, что метафоры и аналогии «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский 1988: 291].

Таким образом, перед нами стоит задача так прочесть философские тексты, чтобы «увидеть» в них глазами лингвиста основу для обоснования или постановки той или иной эколингвистической проблемы.

Полагаем, что выводы о предмете эколингвистики, сделанные с опорой на суждения философов, должны быть основаны на так называемой строгой аналогии, которая стремится к тому, «чтобы было схвачено и выражено действительное, а не кажущееся сходство сопоставляемых объектов. <...> Информация о сходстве должна быть того же типа, что и

информация, распространяемая на другой объект» [Горский и др. 1991: 13–14]. Другими словами, эколлингвистическая интерпретация философского текста должна базироваться на принципе онтологического изоморфизма общего и частного.

Заметим также, что под философами мы понимаем не только профессионалов в этой области, но и известных мыслителей вообще, в том числе выдающихся общественных и религиозных деятелей, писателей, учёных и т.д. Так, применительно к России следует иметь в виду, что русская философская мысль выражается часто не только в собственно философских работах, но и в художественных и публицистических текстах. Выдающийся русский философ XX века А.Ф. Лосев пишет об этом так: «Среди русских очень мало философов *par excellence*: они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий. В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме» [Лосев 1991: 213–214] (Ср. с аналогичными суждениями других известных учёных, например, А.С. Панарина [Панарин 2002: 222], Ф.И. Гиренка [Гиренок 2012]).

Сделав эти предварительные методологические замечания, перейдем к основной части статьи, в которой, по условиям ограниченности её объёма, остановимся на проблеме общих предметных рамок эколлингвистики и на нескольких частных проблемах.

Сначала об объёме и границах предметного поля эколлингвистики и, следовательно, о дефиниции последней.

В ряде своих публикаций [Сковородников 1992, 1996, 2013] я провожу мысль о бинарной природе предмета эколлингвистики, определяя её как такую междисциплинарную отрасль языкознания, которая исследует «состояние языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования (в том числе социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию), и, соответственно, способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой» [Сковородников 2013: 196].

Однако у большинства пишущих на эколлингвистические темы предмет этой формирующейся дисциплины связывается преимущественно с негативными процессами, происходящими в языке и речи, и, соответственно, только с идеей сохранения и защиты языка, а не его творческого развития (см., например, [Полухин 2008; Кравцов 2012; Потеряхина 2014; Соллогуб 2010; Никонов, Бианки 2011 и др.]). Поэтому возникает вопрос, насколько оправданно приведённое выше, по сути, биполярное определение предмета эколлингвистики. Для прояснения этого вопроса обратимся к философскому тексту.

Мартин Хайдеггер в книге «На вершинах нигилизма», сочувственно рассуждая о введённых Фридрихом Ницше ценностных понятиях «сохранение» и «возрастание», пишет: «Ницше проясняет: ценности по сущности своей – точки зрения, а потому одновременно всегда и условия сохранения, и условия возрастания. <...> Условием чего же служат ценности в качестве точек зрения, если в одно и то же время они должны обуславливать и сохранение, и возрастание? *Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга основные тяготения жизни. Сущность жизни невысказима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует*» (выделено мной. – А.С.) [Хайдеггер 1993: 185].

Если это общее суждение о жизни, т.е. бытии, применить к частной сфере бытия – жизни языка, то логично заключить, что предметная область эколлингвистики должна включать в себя и аспект сохранения, и аспект возрастания, то есть развития, совершенствования.

Не лишним будет обратиться и к «Письму о гуманизме» Мартина Хайдеггера, а именно к его известной метафоре «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [Хайдеггер 1998: 301]. Эту метафору М. Хайдеггера можно развить и вывести такое следствие: обитатель «дома бытия», homo loquens, и прежде всего эколлингвист, может ограничиваться бережением и охраной своего обиталища, а может, как рачительный хозяин, прилагать усилия к совершенствованию своего дома – языка, разумеется, с учётом специфики его онтологии и закономерностей функционирования.

Идея необходимости не только сохранения, но и развития постулируется философами и для других сфер человеческой деятельности. Так, С.Н. Булгаков в своей «Философии хозяйства» утверждает, что содержанием творческой хозяйственной деятельности человека является «защита и расширение жизни (выделено мной. – А.С.), а постольку и частичное её воскрешение» [Булгаков 1993: 131–140]. А Э. Фромм в кн. «Революция надежды. Избавление

от иллюзий», говоря об изучении системы «человек», обращает внимание на то, что «состояние благополучия человека можно объяснить эмпирически и объективно, как и состояние его неблагополучия; условия, способствующие благополучию, можно характеризовать точно так же, как и те, которые ведут к неблагополучию, как физическому, так и умственному. <...> Мы должны взять в свои руки контроль над экономическими и социальными системами, а воля человека, направляемая его разумом и желанием быть оптимально активным, должна привести к желаемым результатам» [Фромм 2005: 114–115].

Спрашивается, разве язык не одна из подсистем системы «человек»? И если это так, то разве не имеет к языку отношение идея необходимости контроля за этой подсистемой для её сохранения и развития?

Таким образом, философия, на мой взгляд, склоняет нас к признанию целесообразности включения в предметную область эколлингвистики проблематики совершенствования языка и его речевого воплощения, включая изучение и популяризацию языкового творчества.

Такая точка зрения на содержание эколлингвистики подтверждается и суждениями учёных о предмете и функциях социальной экологии, частью которой, по сути дела, является эколлингвистика. Так, Л.А. Зеленов и его соавторы видят у социальной экологии четыре базовые функции: сохранение природы, восстановление природы, совершенствование природы и защиту человека от пагубного воздействия природных явлений [Зеленов и др. 2008: 374]. Полагаю, что все четыре функции социальной экологии, выделенные данными авторами, органичны для эколлингвистики и могут и должны найти своё обоснование и практическое воплощение в эколлингвистических исследованиях.

Интересно отметить, что прокламируемые здесь задачи эколлингвистики отчасти совпадают с академическим подходом к языку в самом его зарождении. Так, созданное при Академии наук в 1735 г. «Российское собрание» было учреждено «для поощрения и усовершенствования русского языка как в прозе, так и в стихах»; точно также и «Вольное Российское собрание» было основано в 1771 г. «для исправления и обогащения Российского языка» [Успенский 1981: 12–13].

Теперь перейдем к рассмотрению роли философии в обосновании социальной значимости частных проблем эколлингвистического характера.

Сюжет 1-й. Проблема правильности имён.

Эта проблема была поставлена еще в пятом веке до нашей эры Конфуцием и его последователями и нашла отражение в книге «Лунь Юй (Беседы и суждения)» в таком диалоге:

«Цзы Лу спросил:

– Вэйский правитель намеревается привлечь вас к управлению государством. Что вы сделаете прежде всего?

Учитель ответил:

– Необходимо начать с исправления имён.

Цзы Лу спросил:

– Вы начинаете издалека. Зачем нужно исправлять имена?

Учитель сказал:

– Как ты необразован, Ю! Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться (здесь и далее выделено мной. – А.С.). Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть ничего неправильного» [Лунь Юй, гл. XIII, п. 3. URL: <http://tainoe.onas.info/index.php/books/99-konf01/739-konf0113> (дата обращения – 04.07.2014)].

Через две с половиной тысячи лет философы в связи с проблемой понимания обратили внимание на несоответствие некоторых политических терминов их фактическому содержанию. Например, имея в виду указанное обстоятельство, Н.С. Трубецкой упоминает о словах *человечество, общечеловеческая цивилизация* [Трубецкой 2003: 670]; Х.-Г. Гадамер – о словах *демократия, свобода* [Гадамер 1991: 43–44]. А И.Л. Солоневич, имея в виду несоответствие термина *демократия* политической реальности и его спекулятивное использование, заметил: «Термин есть этикетка над явлением. Если этикетки перепутаны – то путаница в понимании является совершенной неизбежностью» [Солоневич 1994: 303].

Примером такой путаницы политических этикеток в наши дни может служить факт приписывания термину *национализм* значения термина *шовинизм*, широко распространённый

в публичной речи и нашедший отражение в лексикографической практике (см., например, [Словарь-справочник «Человек и общество» 1996: 233]. Ср.: [Толковый... 2011: 500]).

Некоторые наши современники обратились к идеям Конфуция. Так, С.Е. Кургинян конфуцианскую идею «исправления имён» обсуждает в серии статей под названием «Кризис и другие» [Кургинян 2009]. Близкую точку зрения, хотя и без упоминания Конфуция и его концепции исправления имён, высказывает С.Г. Кара-Мурза в книге «Потерянный разум»: «Наш ум заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости», и в качестве примеров приводит такие слова и обороты, как *демократия, священная собственность, права человека*. В результате, по его мнению, порождается «кооперативный эффект разрушения рациональности мышления и рациональности сообщения» [Кара-Мурза 2008: 17].

В недавней статье я обозначил эту проблему как «феномен идеологической и оценочной амбивалентности в осмыслении и толковании ключевых концептов политического дискурса» и привел ряд примеров этого явления [Сквородников 2013: 200–203]. Таких случаев довольно много. По условиям места и времени привожу лишь два примера. Так, формирование негативной оценочной коннотации может быть продемонстрировано на примере слова *реформа*. По моим недавним подсчётам из 50 единиц сплошной выборки из центральных газет разной политической ориентации (что не лишне в данном случае подчеркнуть) это слово было употреблено в нейтральном или положительном контексте только 8 раз, тогда как в отрицательном – 42. Это такие контексты, как например:

1) ... В результате предлагаемой **реформы** РАН государство хочет полностью подчинить науку калькулятору. Это, на мой взгляд, приведет к куда более печальным последствиям, чем диктатура идеологии (Новая газета. 2013. № 79); 2) Школа – не холдинг, а воспитание – не услуга! Очередная **реформа** сулит плачевную перспективу (Литературная газета. 2014. № 8); 3) Что происходит с нашей экономикой? <...> Удручающий итог безуспешных более чем двадцатилетних попыток таких **реформ** – практически никаких позитивных сдвигов (Литературная газета. 2013. № 40); 4) Да, закон не имеет обратной силы, но это не относится к преступлениям против человечности, а последствия этих **реформ** – из этой категории (Аргументы и факты. 2013. № 46); 5) В последние годы слово «**реформа**» <...> воспринимается чаще всего как синоним «развала» и «разгрома» (Завтра. 2013. № 35).

Если последнее высказывание соответствует действительности, то можно сделать вывод, что в некоторых случаях процесс затрагивает денотативную часть семантики слова,

что особенно заметно в употреблении слов *оптимизация* и *оптимизировать*, которые начинают многими восприниматься в значении, противоположном нормативному, то есть для обозначения не позитивного, а негативного процесса. Об этом пишут как лингвисты [Сребрянская 2014: 117–118], так и журналисты [Ларина 2013: 11]. Вот несколько конкретных высказываний:

1) *«Оптимизация» культуры продолжается. Только что закрыт Центр гуманитарных исследований пространства, существовавший на базе Института наследия им. Д.С. Лихачева* (Новая газета. 2013. № 89); 2) *Я бы ничего не реорганизовывал – я бы укреплял то, что есть. Потому что реорганизация в нашем варианте – это оптимизация, то есть сокращение* (Аргументы и факты. 2014. № 9); 3) *По задумке чиновников от МОН (Министерства образования и науки. – А.С.), «карта» – это некая электронная таблица всех отечественных научных учреждений, которая объективно покажет, какие институты и университеты, какие конкретно учёные эффективны, а какие можно «оптимизировать», т.е. уничтожить* (Аргументы недели. 2013. № 47).

Таким образом, слова *оптимизация*, *оптимизировать* выступают в роли эвфемизмов по отношению к словам *ликвидация*, *ликвидировать*.

Этот процесс выхолащивания и искажения семантики слов в политическом дискурсе замечен философами. Так, Э. Фромм, называя этот процесс «фетишизмом слов», пишет: «Вырождение идей в идеологии, скорее, правило, чем исключение в историческом процессе; слова замещают человеческую реальность; эти слова используются управляющей бюрократией, которая таким образом успешно контролирует людей и добивается власти и влияния. **И обычно результат таков, что идеология, продолжая пользоваться словами первоначальной идеи, на самом деле выражает противоположное значение** (выделено мной. – А.С.)» [Фромм 2005: 300]. И далее: «Слова можно использовать помимо значений, стоящих за ними; слова могут стать пустыми скорлупками <...>. *Одна из самых больших опасностей, которую необходимо избегать, это путать слова с фактами; фетишизация слов мешает пониманию действительности* (курсив автора цитаты. – А.С.)» [Фромм 2005: 317].

Так философия выводит нас на актуальную и весьма востребованную, с точки зрения национальных интересов, проблематику формирования адекватного языка базовых социальных ценностей, а также речевых технологий манипулирования сознанием и языкового аспекта так называемых информационных войн.

Сюжет 2-й. Проблема фразеологических и лексических утрат.

А.Ф. Лосев в уже упоминавшейся статье «Русская философия» подчеркивает познавательную функцию символа: «Рассудок создает только схемы. Живую связь бытия и его скрытую сущность нельзя постигнуть с их помощью. Только в образах можно достичь истинного познания» [Лосев 1991: 218]. Он обращает наше внимание на Библию как на важнейший источник символов, сочувственно цитируя фрагмент работы В.Ф. Эрнэ «Сковорода Г.С. Жизнь и учение»: «Символы Библии “открывают” в нашем грубом практическом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, окрылённый, глядящий чистым и светлым оком голубицы. Библия поэтому вечно зеленеющее плодоносящее дерево. И плоды этого дерева – тайно образующие символы» [Лосев 1991: 219].

Эти библейские образы и символы воплотились в многочисленных прецедентных текстах: паремиях, фразеологизмах и крылатых словах, вошедших в наш литературный язык и в плоть наших классических литературных текстов. Представляется, что современный выпускник полной средней школы должен был бы быть приобщён к этому языковому богатству. Увы, это далеко не так, даже совсем не так, что и показал эксперимент, проведённый со студентами первого курса СФУ в 2014 году. В эксперименте участвовало 102 человека в возрасте 17–20 лет, студентам были даны 20 фразеологизмов-библейских, используемых в русской классической и современной художественной и публицистической литературе, типа *петь аллилуйю, аредовы веки, взыскующие града, глас вопиющего в пустыне, каинова печать* и т.п., и предложено составить с каждым фразеологизмом осмысленное высказывание (предложение). Результаты показаны в следующей таблице.

Количество правильных ответов из 20 максимально возможных	Количество студентов
12	1
11	1
10	1
8	3
7	3
6	7
5	6
4	9
3	11
2	18
1	21
0	21

Таким образом, фразеологическая компетенция студентов, вчерашних школьников, равна 13,5%, то есть по пятибальной системе ниже единицы.

Так обнаруживается фразеологическая лакуна в языковом сознании молодого поколения, что с одной стороны, наводит на мысль о серьёзном неблагополучии в

постановке образовательного процесса в современной средней школе, а с другой стороны, объясняет одну из причин, почему это поколение не читает классическую литературу: язык этой литературы для нынешнего молодого поколения стал чужим и малопонятным, причем не только в области фразеологии, но и книжной лексики в целом, что подтверждается, в частности, явлением так называемого «устаревания слов» (см. [Сквородников 2013: 198–199]). Так, в «Словаре устаревших слов» [Словарь устаревших слов 1997] устаревшими названы, например, такие слова в их современном значении, которые в академических словарях (например, в [Толковый... 2011]) рассматриваются либо как нейтральные (*вольный, департамент, ермолка, именитый, инок, клеймо, милость, нива, отклáняться, оковы, палевый, приют, роковой, святцы, сени, служить, смиренный, учтиво, чин, швейцар* и др.), либо как несущие стилистическую окраску книжности (*бранный, гневаться, вещей, добродетель и добродетельный, искони, неволя, недруг, сибарит*) или – реже – разговорности (*докучать, душегубство, дюжий, повеса, покамест, рогоносец, хват*). Перечисленные слова, несомненно, входят в лексикон носителя так называемой полнофункциональной речевой культуры. Отнесение их к разряду устаревших, по-видимому, отражает ориентацию (возможно, неосознанную) составителей словаря на языковые предпочтения представителей массовой культуры, то есть весьма многочисленных носителей среднелитературного типа речевой культуры (см. [Сиротинина 2012: 713]), из языкового сознания которых ушли или уходят прежде всего слова редко употребляемые, а также слова стилистически маркированные, главным образом – книжные (что неудивительно при нынешнем падении читательской культуры).

Таким образом, мы наблюдаем процесс вымывания из языкового сознания значительной части нации нужных для полноценного общения и когниции слов, оборотов и соответствующих смыслов, а это уже травма не только речи, но и языка, так как происходит омертвление его существенной части. Чем это грозит, объясняет также философия. Цитирую фрагмент работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество»: «Культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа. <...> Этот общий запас культурных ценностей, иначе говоря, инвентарь культуры, для успешного дальнейшего развития должен передаваться путём традиции, то есть всякое молодое поколение должно усваивать, путём подражания старшим, культуру, в которой выросло предшествующее поколение и которую это поколение, в свою очередь, получило от своих предшественников. Для каждого поколения полученная таким путём традиции культура является исходной точкой

дальнейших открытий, и это обстоятельство является одним из неперенных условий непрерывности и органичности развития культуры» [Трубецкой 2003: 706–707].

Удивительно и поучительно, как эти утверждения философа совпадают с мыслями выдающегося русского поэта Осипа Мандельштама о русском языке: «Столь высоко организованный, столь органический язык не только – дверь в историю, но и сама история. Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. *“Онеменение” двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории* (выделено мной. – А.С.). Поэтому совершенно верно, что русская история идёт по краешку, по бережку, над обрывом и готова каждую минуту сорваться в нигилизм, то есть в отлучение от слова» [Мандельштам 1994: 396].

Сейчас мы можем констатировать, что угроза языкового и ментального разрыва поколений, отлучение России от слова в значительной степени уже осуществилась и продолжает осуществляться.

Сюжет 3-й. Об амбивалентности принципа экономии усилий.

Известно, что в теории языкознания принцип экономии и соответствующий ему механизм толкуются нейтрально (безоценочно) или положительно – как некое средство, позволяющее «уменьшить затраты, связанные с коммуникацией, которые система предлагает участникам коммуникации в качестве факультативной возможности, но которые каждый участник может использовать или не использовать по своему усмотрению» [Общее языкознание 1970: 157] (см. также о «законе экономии» в [Попова, Стернин 2007: 119–122]).

В контексте эколингвистики представляет интерес взгляд на принцип экономии усилий выдающегося социолога и философа нашего времени А.С. Панарина. Он пишет: «Прежде считалось, что люди предпочитают экономить усилия, затрачиваемые в сфере общественного производства, но там, где речь идет о внепроизводственной сфере, они затрат не считают. <...> Чикагская школа в лице Г. Беккера решила преодолеть этот архаический дуализм. Экономизации подлежит всё. Вот почему общение по телефону предпочтительнее личных визитов к друзьям – это сокращает время, затраченное на контакты. Поверхностное приятельство предпочтительнее настоящей дружбы, ибо последняя требует больших усилий и времени. Встреча с дамой лёгкого поведения предпочтительнее встречи с серьёзной девушкой – искомый сексуальный результат потребует меньше усилий. По этому же закону экономии времени телевидение предпочтительнее книги, обзор литературы

предпочтительнее самой литературы, реплика предпочтительнее развёрнутого суждения, поверхностный взгляд – взгляда внимательного и обязывающего» [Панарин 2002: 479–480].

В этом фрагменте монографии А.С. Панарина постулируется ценностная сомнительность или, по меньшей мере, неоднозначность принципа экономии усилий, в частности, и в отношении человеческой коммуникации в широком смысле – не как передачи информации от продуцента речи к реципиенту, а в смысле общения как условия существования и развития человека как такового. Тем более, что в сфере словесного творчества (и не только художественного) закон языковой избыточности «работает» не менее продуктивно, чем закон экономии. Выявление же творческих языковых новаций – проблема, с нашей точки зрения, вполне эколлингвистическая. Кроме того, высказывание А.С. Панарина актуализирует постановку вопроса о связи лингвоэкологии и филологии, в том числе тему роли книги, литературы как одном из факторов экологичности человеческого общения, хранителе языковых ресурсов и генераторе языковых новаций.

Сюжет 4-й. О постулате качества применительно к общению.

В современной учебной литературе лингвопрагматический постулат качества [Грайс 1985: 222–223] и соответствующие ему принципы искренности и правдивости традиционного русского риторического идеала подаются либо абсолютивно, без каких-либо ограничений (ср.: [Михальская 1996: 185–186; Введенская, Павлова 2000: 33; Ипполитова и др. 2004: 159]), либо ограничиваются чисто прагматическими соображениями. Так, например, О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина в своём учебнике «Речевая коммуникация» советуют: «В общении с деловым партнером никогда не распространяйтесь о своей личной жизни и не расспрашивайте о чужой – ни о семейных перепетиях, ни о здоровье кого-либо из родных. <...> Никогда не рассказывайте в рабочей среде никаких щекотливых подробностей своей интимной жизни, они имеют свойство всплывать и портить вам жизнь впоследствии. <...> Будьте начеку с человеком, который сообщает вам нечто непристойное о себе: это может быть лишь способом спровоцировать вас на подобные же откровения из вашей собственной жизни» и т.д. и т.п. [Гойхман, Надеина 2011: 190–191].

В философских штудиях можно обнаружить подтверждение последней точки зрения. Так Л.И. Шестов в своей основополагающей работе «Апофеоз беспочвенности» пишет: «...Если говорят, что естественность и откровенность – добродетели, это всегда нужно понимать *cum grano salis* (с некоторой иронией, язвительно. – А.С.). Т.е. иногда позволительно и даже уместно выпалить какую угодно истину, иной раз можно свободно развалиться как бревно среди дороги – но, избави вас Бог, возводить такого рода искренность

в принцип. Всегда “правду матку резать”, всегда обнажать всего себя, – помимо того, что это в сущности невыполнимо и никем и никогда не выполнялось, даже в знаменитых исповедях знаменитых людей – гораздо более опасное и ответственное дело, чем это принято думать. Я с уверенностью утверждаю, что если бы нашелся человек, который бы захотел и сумел рассказать о себе всю правду, и рассказать не метафорически, как это делают литераторы (всякая метафора есть прикраса), а просто, обыкновенным, человеческим, голым языком – он бы навсегда погубил себя, ибо потерял бы всякий интерес в глазах ближних, да и в собственных глазах» [Шестов 2004: 176–177].

Очевидно, что эти советы лингвистов и философа накладывают существенное ограничение на использование постулата качества с чисто практической точки зрения, с точки зрения категории полезности, выгоды.

Но философия даёт нам и иную квалификацию подобного типа коммуникативной ситуации. Так Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы», в первой главе «Фёдор Павлович Карамазов», повествует о том, что первая жена Фёдора Павловича, презирая мужа, «бросила дом и сбежала от Фёдора Павловича с одним погибавшим от нищеты семинаристом-учителем, оставив Фёдору Павловичу на руках трёхлетнего Митю. Фёдор Павлович мигом завёл в доме целый гарем и самое забубённое пьянство, а в антрактах ездил чуть не по всей губернии и слёзно жаловался всем и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причём сообщал такие подробности, которые слишком бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему как будто приятно было и даже льстило разыгрывать перед всеми свою смешную роль обиженного супруга и с прикрасами даже расписывать подробности о своей обиде» (выделено мной. – А.С.) [Достоевский 1991: 10–11].

Замечу кстати, что такое речевое поведение Фёдора Павловича очень напоминает по своей сути речевое поведение многих участников таких современных телевизионных шоу, как «Давай поженимся», «Пусть говорят» и т.п., где одни «полощут грязное бельё» своей семейной и интимной жизни, а другие их жадно слушают.

Так вот, в отличие от Л.И. Шестова, Ф.М. Достоевский коммуникативную ситуацию такого типа, которую я назвал бы ситуацией *коммуникативной пошлости*, оценивает с позиции не практической целесообразности (выгоды/невыгоды), а с позиции этико-эстетической, тем самым раздвигая рамки эколлингвистического анализа речевой коммуникации, ибо этико-эстетическая сторона речи – это не только вопрос этико-эстетической компетенции, что составляет предмет культуры речи, но и проблема

эколингвистики, так как речевая деградация в этой области с неизбежностью влечёт за собой вульгаризацию языка, рост его инвективности, жаргонизации, циничности (о лингвоцинизмах см. [Сковородников 1992; 1996]), уничижительных словесных ярлыков (см. [Булгакова 2013]) и т.д.

Содержание двух последних сюжетов (3-го и 4-го) с неизбежностью ставит вопрос о разграничении таких понятий, как «экология языка», «экология речи» и «культура речи», взятых в их дисциплинарном значении. Этот непростой вопрос требует специального обсуждения в отдельной статье. Сейчас же выскажу сугубо предварительное суждение, которое можно свести к следующему.

Экология языка исследует факты и процессы, негативно или позитивно влияющие на состояние и развитие языка как знаковой системы. **Экология речи** (или – точнее – экология речевого общения), в отличие от экологии языка, по своему объекту совпадает с **культурой речи**, понимаемой широко – как проблематика норм и компетенций речевого общения в их совокупности, но отличается от культуры речи аспектно. Если **культура речи** призвана заниматься данной проблематикой без определения того, к каким последствиям для языковой системы могут привести изучаемые речевые явления, то экология речи рассматривает эти процессы как раз с ориентацией на указанные последствия. Так, например, спор Смердякова и Григория в романе «Братья Карамазовы» можно анализировать с позиций культуры речи как образец демагогического спора с выделением соответствующих речевых тактик и языковых средств (что, кстати говоря, составит отличный тренинг); а диалог Смердякова с Марьей Кондратьевной можно рассматривать как образец речевой культуры мещан определенной эпохи с выделением соответствующих языковых признаков этой культуры [Достоевский 1991: 144–148, 251–253]. Однако можно рассмотреть эти фрагменты романа как репрезентацию социальной болезни, получившей название «смердяковщины», которая, в частности, проявляется в отрицании значимости религиозной и национальной идентичности, что, как свидетельствует и наше время, имеет одним из следствий пренебрежительное отношение к родному языку (в данной случае – русскому), доходящее иногда до степени лингвофобии. А это уже проблема не только экологии речи, но и экологии языка и языкового сознания.

Или возьмём в сравнении фрагменты философских размышлений о языке и речи. Вот, например, максима 38 из знаменитых «Афоризмов житейской мудрости» А. Шопенгауэра, которая гласит: «Не оспаривай ничьих мнений, – помни, что если бы мы захотели разубедить

кого-либо во всех нелепостях, в какие он верит, то можно было бы дожить до Мафусаиловых лет, не добившись этого.

Надо также воздерживаться в разговоре от всех, хотя бы самых доброжелательных поправок: ибо задеть людей легко, исправить же трудно, если не невозможно.

Когда какой-нибудь нелепый разговор, при котором нам случится присутствовать, начинает раздражать нас, мы должны представить себе, что перед нами разыгрывается комическая сцена между двумя дураками. Это испытаннейшее средство. Кто явился в мире, чтобы серьёзно наставлять его в важнейших вопросах, тот может почитать себя счастливым, если ему удастся уйти целым и невредимым» [Шопенгауэр 1993: 337].

Содержание этой максимы А. Шопенгауэра целиком относится к области культуры речи (культуры речевого общения), или, если угодно, к области практической риторики, но никак не экстраполируется в эколлингвистический контекст. Иное дело – воспоминания И.А. Ильина о послереволюционном юморе в Советской России:

«Кто из нас не помнит этого неистощимого, отчаянного юмора, которым русские люди пытались преодолеть безумие и лишения первых лет. <...> Из уст в уста передавались хлётские частушки: ходила по рукам бойкая “поэма”: “Маркс в России”, кончавшаяся тем, что Маркс публично плевал своему огромному памятнику в лицо; и самая смерть обозначалась словами “сыграть в ящик”... Отовсюду подмигивал людям юмор висельника...» [Ильин 1993: 220].

Это наблюдение И.А. Ильина имеет лингвоэкологическую составляющую, так как содержит информацию об изменении в лексико-фразеологическом составе русского языка, причем таком, которое закрепилось в его системе (см., например, фразеологический оборот «в ящик сыграть» в [Большой словарь... 2004: 753]).

Следует иметь в виду, что эколлингвистическая составляющая может содержаться в высказываниях философов имплицитно, как, например, в следующих фрагментах книги Э. Фромма «Иметь или быть?»: «Высшей целью рыночной личности является полнейшее приспособление к требованиям рынка. Человек этого типа больше *не имеет своего эго* (курсив автора цитаты. – А.С.). <...> Ибо он меняет своё я постоянно, исходя из принципа: “Я таков, каким ты хочешь меня купить”. <...> Рыночная личность не умеет любить и ненавидеть. Эти “старомодные” чувства не уместаются в её структуру, которая функционирует исключительно на рассудочном уровне и поэтому избегает как положительных, так и отрицательных эмоций. <...> Преобладание механического, манипулятивного мышления сопровождается атрофией мира эмоций. Поскольку считается,

что чувства не помогают, а скорее препятствуют оптимальному функционированию системы, сфера чувств не развивается и остаётся на инфантильном уровне. Вследствие этого «рыночная личность» отличается удивительной наивностью в области чувств» [Фромм 2012: 225–230].

Следовательно, логично предположить, что в обществе рыночных личностей, бедных эмоционально, не могут успешно развиваться те сферы и стили языка, в которых органично востребован мир тонких и высоких эмоций, а именно поэзия и высокие стили и жанры прозы. Что мы и имеем в сегодняшней российской действительности.

Подводя итог всему сказанному в этой статье, можно сделать, по крайней мере, такие выводы. Обращение к философским текстам как источнику эколлингвистических идей позволяет:

- 1) определить эколлингвистику как междисциплинарную науку с доминирующим лингвистическим ядром;
- 2) уточнить предметные рамки эколлингвистики;
- 3) философски обосновать актуальность уже найденной наукой эколлингвистической проблематики, а также наметить в ней новые проблемы и аспекты исследования;
- 4) поставить вопрос о разграничении таких понятий и соответствующих направлений научного поиска, как экология языка, экология речи, культура речи.

Завершая статью, замечу, что некоторые исследователи считают, что «важнее оценить практическую полезность и перспективы некоторой теории или модели, чем углубляться в онтологические дебаты относительно её обоснованности» [Басканский, Кучер 2004: 54]. С этой мыслью можно согласиться, если речь идёт о теории или научном направлении, которые обрели уже статус общепризнанности. Что же касается эколлингвистики, то ей еще предстоит завершить этап научной легитимизации и определиться в границах своей предметности. Хотелось бы надеяться, что наша статья будет способствовать этому процессу.

Список литературы

- Басканский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивная философия и современные когнитивные исследования // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 49–65.
- Бернацкая А.А. В поисках философии лингвоэкологии // Наука и мир. 2014. № 4 (8). Том 2. С. 72–75.
- Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / сост. В.В. Химик. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

- Булгаков С.Н. Софийность хозяйства // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семенов; предисл. к текстам С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой; прим. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 131–141.
- Булгакова Е.Н. Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале русского политического дискурса XX – начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2013. 22 с.
- Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика: учебное пособие для вузов. Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2000. 512 с.
- Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1904. 374 с.
- Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 266–323.
- Гиренок Ф.И. Без надежды на успех // Литературная газета. 2012. № 52.
- Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 272 с.
- Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике / Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. / Под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: пер. с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 томах. Т.9. Л.: Наука, 1991. 697 с.
- Зеленов Л.А., Владимиров А.А., Щуров В.А. История и философия науки: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2008. 472 с.
- Ильин И.А. Одиноким художник / Сост., предисл. и примеч. В.И. Белов. М.: Искусство, 1993. 348 с.
- Ильинова Е.Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. №2 (12). С. 168–176.
- Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. Н.А. Ипполитовой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 440 с.
- Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. 736 с.
- Конфуций. Лунь Юй (Беседы и суждения). Глава XIII. «Цзы Лу». URL: <http://tainoe.onas.info/index.php/books/99-konf01/739-konf0113> (дата обращения – 01.07.2014).
- Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. 576 с.
- Кравцов С.М. Обучение фразеологии в аспекте актуальных проблем экологии языка (на материале русского и французского языков) // Материалы конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2012 г. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/kravcov.html> (дата обращения – 01.07.2014).
- Кургинян С.Е. Кризис и другие // Завтра. 2009. № 25.
- Ларина Н. Горькие плоды оптимизации // Аргументы недели. 2013. №6. С. 11.
- Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 209–236.
- Мандельштам О.Э. «Сохрани мою речь...»: Лирика разных лет. Избранная проза / Сост. Б.С. Мягков. Вступ. статья Л.А. Озерова. М.: Школа-Пресс, 1994. 576 с.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Перев. с англ. М.А. Дмитриевской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–310.

Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М.: Издательский Центр «Academia», 1996. 192 с.

Никонов А., Бианки А. Экология языка – информация к размышлению. 2011. URL: <http://refdb.ru/look/2099107.html> (дата обращения – 01.07.2014).

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебрянников. М.: Изд-во «Наука», 1970. 604 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

Полухин А.А. Современное языкознание и эколингвистическое мышление // Опыты-2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание / Сост. Н. М. Димитрова. СПб: РИО ГПА, 2009. С. 65–73.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие. 2 изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 408 с.

Потеряхина И.Н. Экологические проблемы языка в современной лингвистике. 2014. URL: <http://www.nor-dipo.ru/ru/node/346> (дата обращения – 01.07.2014).

Сиротинина О.Б. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общения (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. 882 с.

Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. 1996. № 2. С. 42–49.

Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194–222. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf> (дата обращения – 01.07.2014).

Сковородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. №5-6. С. 104–111.

Словарь-справочник «Человек и общество» (Философия) / Авторы-сост. И.Д. Коротец, Л.А. Штомпель, О.А. Штомпель. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1996. 544 с.

Словарь устаревших слов / Сост. Н.Г. Ткаченко, И.В. Андреева, Н.В. Баско. М.: Рольф, 1997. 272 с.

Соллогуб Н. Экология слова и экология языка. 2010. URL: <http://www.litprichal.ru/work/48538/> (дата обращения – 01.07.2014).

Солоневич И.Л. Дух народа // Русская идея: В двух томах. Т. 2 / Сост. В.М. Пискунов; коммент. Н.Б. Злобина. М.: Искусство, 1994. 684 с.

Сребрянская Н.А. Я перестала понимать родной русский язык // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 174–181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/04/Srebryanskaya-N.A.pdf> (дата обращения – 01.07.2014).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Русский мир: Сборник. М.: Изд-во «Эксмо»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 663–737.

Успенский Б.А. «Предисловие» к кн. «Русская грамматика» А.А. Барсова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 776 с.

Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию наука: Учебник. М.: Изд-во «Экзамен», 2005. 528 с.

Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Перевод с англ.; Предисловие П.С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.

- Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2012. 314 с.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // М. Хайдеггер. Бытие и время. М.: Республика, 1998. С. 301–315.
- Хайдеггер М. Слово Ницше «Бог мёртв» // М. Хайдеггер Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217.
- Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 221 с.
- Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост.; авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский. М.: Просвещение, 1993. 479 с.
- Эрн В.Ф. Сковорода Г.С. Жизнь и учение. СПб.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1912. 342 с.

References

- Baksanskij O.E., Kucher E.N. Kognitivnaya filosofiya i sovremennye kognitivnye issledovaniya [Cognitive philosophy and modern cognitive researches]. *Vyzov poznaniyu: strategii razvitiya nauki v sovremennom mire [Call to knowledge: strategy of science development in the modern world]*. М.: Nauka Publ., 2004. Pp. 49–65.
- Bernatskaya A.A. V poiskakh filosofii lingvoehkologii [In search of philosophy of linguoecology]. *Nauka i mir*. 2014. №4 (8). Vol. 2. Pp. 72–75.
- Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ehkspressivnoj rechi [Big dictionary of the Russian informal expressional conversation]. Sost. V.V. KHimik. SPb.: Norint Publ., 2004. 768 p.
- Bulgakov S.N. Sofijnost' khozyajstva [Sofiynost of economy]. *Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli [Russian kosmizm: Anthology of philosophical thought]*. Sost. S.G. Semenovoj, A.G. Gachevoj; Vstup. st. S.G. Semenovoj; Predisl. k tekstam S.G. Semenovoj, A.G. Gachevoj; Prim. A.G. Gachevoj. М.: Pedagogika-Press, 1993. Pp. 131–141.
- Bulgakova E.N. Slovesnye yarlyki kak sredstvo yazykovogo nasiliya (na materiale rossijskogo politicheskogo diskursa XX – nachala XXI veka): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Verbal labels as means of language violence (on a material of the Russian political discourse of XX – the beginnings of the XXI century)]: Author's thesis. Abakan, 2013. 22 p.
- Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G. Delovaya ritorika: uchebnoe posobie dlya vuzov [Business rhetoric: manual for higher education institutions]. Rostov n/D.: Izdatel'skij tsentr «MarT», 2000. 512 p.
- Vindel'band V. Preljudii. Filosofskie stat'i i rechi [Preludes. Philosophical articles and speeches]. SPb.: Izdanie D.E. ZHukovskogo, 1904. 374 p.
- Gadamer KH.G. Aktual'nost' prekrasnogo [The relevance of the beautiful]. М.: Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 266–323.
- Girenok F.I. Bez nadezhdy na uspekhi [Without hope for success]. *Literaturnaya gazeta*. 2012. №52.
- Gojkhman O.YA., Nadeina T.M. Rechevaya kommunikatsiya: uchebnik [Speech communication: manual]. 2-e izd. pererab. i dop. М.: INFRA-M Publ., 2011. 272 p.
- Gorskij D.P. i dr. Kratkij slovar' po logike [Short dictionary of logic]. Gorskij D.P., Ivin A.A., Nikiforov A.L. / Pod red. D.P. Gorskogo. М.: Prosveshhenie Publ., 1991. 208 p.
- Grajs G.P. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika [New in foreign linguistics: Vyp. 16. Linguistic pragmatics]*. Collection: translation from different languages. Sost. i vstup. st. N.D. Arutyunovoj i E.V. Paduchevoj. Obshh. red. E.V. Paduchevoj. М.: Progress Publ., 1985. Pp. 217–237.
- Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. F.M. Dostoevskij. Collected works in 15 volumes. Vol.9. L.: Nauka Publ., 1991. 697 p.

Zelenov L.A., Vladimirov A.A., Shurov V.A. *Istoriya i filosofiya nauki: ucheb. posobie* [History and science philosophy: manual]. M.: Flinta-Nauka Publ., 2008. 472 p.

Il'in I.A. *Odinokij khudozhnik* [Lonely artist]. Sost., predisl. i primech. V.I. Belov. M.: Iskusstvo, 1993. 348 p.

Il'ina E.YU. *Ehkolingvisticheskiy modus sobytijnosti v prostranstve massmedijnogo diskursa* [Ecolinguistic mode of event in mass-media discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*. Ser. 2. Linguistics. 2010. №2 (12). Pp. 168–176.

Ippolitova N.A., Knyazeva O.YU., Savova M.R. *Russkij yazyk i kul'tura rechi: uchebnik* [The Russian language and standard of speech: textbook]. pod red. N.A. Ippolitovoj. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. 440 p.

Kara-Murza S.G. *Poteryannyj razum* [The lost reason]. M.: EHksmo Publ.; Algoritm Publ., 2008. 736 p.

Konfutsij. Lun' YUj (Besedy i suzhdeniya). Glava XIII. «TSzy Lu» [Lun Yu (Conversations and judgments). Chapter XIII. "Zi Lu"]. Available at: <http://tainoe.o-nas.info/index.php/books/99-konf01/739-konf0113> (accessed 01.07.2014).

Kokhanovskij V.P. *Filosofiya i metodologiya nauki: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenij* [Philosophy and science methodology: The textbook for higher educational institutions]. Rostov n/D: «Feniks» Publ., 1999. 576 p.

Kravtsov S.M. *Obuchenie frazeologii v aspekte aktual'nykh problem ehkologii yazyka (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Phraseology training in aspect of actual environmental problems of language (on the material of the Russian and French languages)]. *Materialy konferentsii «Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya»* [Conference materials "Language and right: actual problems of interaction"], 2012 g. Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/kravcov.html> (accessed 01.07.2014).

Kurginyan S.E. *Krizis i drugie* [Crisis and others]. *Zavtra*. 2009. №25.

Larina N. *Gor'kie plody optimizatsii* [Bitter fruit optimization]. *Argumenty nedeli*. 2013. №6. Pp. 11.

Losev A.F. *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. M.: Politizdat Publ., 1991. Pp. 209–236.

Mandel'shtam O.EH. «Sokhrani moyu rech'...»: *Lirika raznykh let. Izbrannaya proza* ["Keep my speech..." Lyrics of different years. Chosen prose]. Sost. B.S. Myagkov. Vstup. stat'ya L.A. Ozerova. M.: SHkola-Press, 1994. 576 p.

Minskij M. *Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatelnogo* [Wit and logic of the cognitive unconscious]. Perv. s angl. M.A. Dmitrovskoj. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vyp. 23. Cognitive aspects of language]. M.: Progress Publ., 1988. Pp. 281–310.

Mikhal'skaya A.K. *Russkij Sokrat: leksii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike: ucheb. posobie dlya studentov gumanitarnykh fakul'tetov* [Russian Socrates: lectures on comparative-historical rhetoric: studies. grant for students of humanitarian faculties]. M.: Izdatel'skij TSentr «Academia», 1996. 192 p.

Nikonov A., Bianki A. *Ehkologiya yazyka – informatsiya k razmyshleniyu* [Language ecology – information to reflection]. 2011. Available at: <http://refdb.ru/look/2099107.html> (accessed 01.07.2014).

Obshhee yazykoznanie. *Formy sushhestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, function, language history]. otv. red. B.A. Serebrennikov. M.: «Nauka» Publ., 1970. 604 p.

Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire* [Orthodox civilization in global world]. M.: Algoritm Publ., 2002. 496 p.

Polukhin A.A. *Sovremennoe yazykoznanie i ehkolingvisticheskoe myshlenie* [Modern linguistics and ecolinguistic thinking]. *Opyty-2008: Sbornik nauchnykh rabot prepodavatelej i*

studentov fakul'teta filologii: Nauchnoe izdanie [Experiences-2008: Collection of scientific works of teachers and students of faculty of philology: Science edition]. Sost. N. M. Dimitrova. Spb: RIO GPA, 2009. Pp. 65–73.

Popova Z.D., Sternin I.A. Obshee yazykoznanie. Uchebnoe posobie [General linguistics. Manual]. 2 izd., pererab. i dop. M.: AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 408 p.

Poteryakhina I.N. EHkologicheskie problemy yazyka v sovremennoj lingvistike [Environmental problems of language in modern linguistics]. 2014. Available at: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/346> (accessed 01.07.2014).

Sirotinina O.B. Tipy rechevoj kul'tury [Types of speech culture]. *EHffektivnoe rechevoe obshheniya (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik [Effective speech communication (basic competences): dictionary reference]*. Pod red. A.P. Skovorodnikova. CHleny redkollegii: G.A. Kopnina, L.V. Kulikova, O.V. Fel'de, B.YA. SHarifullin, M.A. YUzhannikova. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo federel'nogo universiteta, 2012. Pp. 712–715.

Skovorodnikov A.P. Lingvisticheskaya ehkologiya: problemy stanovleniya [Linguistic ecology: formation problems]. *Filologicheskie nauki*. 1996. №2. Pp. 42–49.

Skovorodnikov A.P. O predmete ehkolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [About ecolinguistics in relation to the modern Russian language]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2013. №1. S. 194–222. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf> (accessed 01.07.2014).

Skovorodnikov A.P. Ob ehkologii russkogo yazyka [About Russian ecology]. *Filologicheskie nauki*. 1992. №5–6. Pp. 104–111.

Slovar'-spravochnik «CHelovek i obshchestvo» (Filosofiya) [Dictionary reference "Person and society" (Philosophy)]. Avtory-sost. I.D. Korotets, L.A. SHtompel', O.A. SHtompel'. Rostov n/D: Izd-vo «Feniks», 1996. 544 p.

Slovar' ustarevshikh slov [Dictionary of obsolete words]. Sost. N.G. Tkachenko, I.V. Andreeva, N.V. Basko. M.: Rol'f, 1997. 272 p.

Sollogub N. EHkologiya slova i ehkologiya yazyka [Ecology of word and language ecology]. 2010. Available at: <http://www.litprichal.ru/work/48538/> (accessed 01.07.2014).

Solonevich I.L. Dukh naroda [Spirit of the people]. Russkaya ideya [Russian idea]. In two volumes. V.2. Sost. V.M. Piskunov; komment. N.B. Zlobina. M.: Iskusstvo Publ., 1994. 684 p.

Srebryanskaya N.A. Ya perestala ponimat' rodnoj russkij yazyk [I stopped to understand native Russian]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. №1. Pp. 174–181. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/04/Srebryanskaya-N.A.pdf> (accessed 01.07.2014).

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [The explanatory dictionary of Russian with inclusion of data on an origin of words]. RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Otv. red. N.YU. SHvedova. M.: Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2011. 1175 p.

Trubetskoj N.S. Evropa i chelovechestvo [Europe and mankind]. *Russkij mir: Sbornik [Russian world: Collection]*. M.: «Ehksmo» Publ.; Spb.: Terra Fantastica Publ., 2003. Pp. 663–737.

Uspenskij B.A. «Predislovie» k kn. «Rossijskaya grammatika» A.A. Barsova ["Preface" to book. "The Russian grammar" A.A. Barsova]. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1981. 776 p.

Ushakov E.V. Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauka: Uchebnik [Introduction in philosophy and methodology of science: Textbook]. M.: «EHkzamen» Publ., 2005. 528 p.

Fromm EH. Revolyutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzij [Hope revolution. Disposal from the illusions]. Perevod s angl.; Predislovie P.S. Gurevicha. M.: Ajris-press, 2005. 352 p.

Fromm EH. Imet' ili byt'? [To have or to be?]. Per. s nem. EH.M. Telyatnikovoj. M.: AST: Astrel', 2012. 314 p.

Hajdegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on humanity]. M. Hajdegger. *Bytie i vremya [Life and time]*. M.: Respublika Publ., 1998. Pp. 301–315.

Hajdegger M. Slovo Nitsche «Bog myortv» [Nietzsche's word "God is dead"]. M. Hajdegger Raboty i razmyshleniya raznykh let [Works and reflections of different years]. M.: Gnozis Publ., 1993. Pp. 168–217.

SHestov L.I. Apofeoz bespochvennosti [Deification of groundlessness]. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. 221 p.

SHopengauehr A. Izbrannye proizvedeniya [Chosen works]. Sost.; avt. vstup. st. i primech. I.S. Narskij. M.: Prosveshhenie Publ., 1993. 479 p.

EHrn V.F. Skovoroda G.S. ZHizn' i uchenie [Skovoroda G.S. Life and doctrine]. SPB.: Tovarishhestvo tipografii A.I. Mamontova, 1912. 342 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: skapnat@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Skovorodnikov Alexandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor-consultant of the Department of Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny Prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: skapnat@mail.ru